

UvA-DARE (Digital Academic Repository)

Цитационные конструкции в русском жестовом языке: корпусное исследование

Kimmelman, V.I.; Khristoforova, E.A.

DOI

[10.30842/alp2306573714318](https://doi.org/10.30842/alp2306573714318)

Publication date

2018

Document Version

Final published version

Published in

Acta linguistica Petropolitana

License

CC BY-ND

[Link to publication](#)

Citation for published version (APA):

Kimmelman, V. I., & Khristoforova, E. A. (2018). Цитационные конструкции в русском жестовом языке: корпусное исследование. *Acta linguistica Petropolitana*, 14(3), 337-356. <https://doi.org/10.30842/alp2306573714318>

General rights

It is not permitted to download or to forward/distribute the text or part of it without the consent of the author(s) and/or copyright holder(s), other than for strictly personal, individual use, unless the work is under an open content license (like Creative Commons).

Disclaimer/Complaints regulations

If you believe that digital publication of certain material infringes any of your rights or (privacy) interests, please let the Library know, stating your reasons. In case of a legitimate complaint, the Library will make the material inaccessible and/or remove it from the website. Please Ask the Library: <https://uba.uva.nl/en/contact>, or a letter to: Library of the University of Amsterdam, Secretariat, Singel 425, 1012 WP Amsterdam, The Netherlands. You will be contacted as soon as possible.

UvA-DARE is a service provided by the library of the University of Amsterdam (<https://dare.uva.nl>)

В. И. Киммельман, Е. А. Христофорова

Амстердамский университет, Амстердам — РГГУ, Москва

ЦИТАЦИОННЫЕ КОНСТРУКЦИИ В РУССКОМ ЖЕСТОВОМ ЯЗЫКЕ: КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ*

1. Введение

В данной работе мы анализируем способы передачи чужой речи в русском жестовом языке (РЖЯ) на основе корпусных данных. Конструкции передачи чужой речи активно изучались в рамках лингвистики, а также философии языка [Brendel et al. 2011]. В последнее время большой интерес вызывает чужая речь в естественном устном дискурсе [Литвиненко и др. 2009]. Также конструкции передачи чужой речи описаны для нескольких жестовых языков [Herrmann, Steinbach 2012; Quer 2011; Schlenker 2017], но в РЖЯ этот аспект до сих пор не описан¹.

Мы рассматриваем передачу чужой речи в широком смысле, следуя примеру Литвиненко и др. [2009: 289] и более ранних работ [Güldemann 2008], а именно, мы включаем передачу чужой речи, мыслей, ощущений и чувств. Также вслед за этими авторами, мы называем передачу чужой речи и т. д. **цитированием**, а соответствующую конструкцию **цитационной конструкцией**. Цитационная конструкция состоит из **цитации** (то есть собственно речи/мысли/чувства), и опциональной авторской ремарки, которая может включать упоминание **автора** и **вводящую предикацию** (1).

- (1) [[[[Петя]_{автор} [сказал]_{вводящая предикация}]_{авторская ремарка}]:
[«Я хочу есть»]_{цитация}]_{цитационная конструкция}

* Данное исследование выполнено при поддержке гранта Российского Научного Фонда (РНФ) 17–18–01184.

¹ Часть количественных результатов исследования, которое лежит в основе данной статьи, также изложены в работе Khristoforova, Kimmelman [2018].

(2) Петя сказал, что он хочет есть.

Традиционно различают прямую (1) и косвенную (2) речь. Прямая речь — это дословная передача речи автора,² в то время как косвенная речь — это речь автора, переработанная говорящим. На письме эти две конструкции различаются в том числе пунктуационно; в устной речи прямая речь часто оформляется особой интонацией. И в устной, и в письменной речи важным различием является поведение дейктических элементов (местоимений первого и второго лица, наречий типа «здесь», «сейчас», и т. д.), которые в прямой речи интерпретируются относительно ситуации, описываемой в цитации, а в косвенной речи относительно общей ситуации текста. Также прямая, но не косвенная речь может включать эмоциональные элементы и императив. В некоторых языках косвенная речь оформляется подчинительными союзами (*что* в русском языке) и, в отличие от прямой речи, проявляет свойства подчинения. Стоит заметить, что провести границу между прямой и косвенной речью зачастую трудно, особенно при анализе естественных устных данных [Литвиненко и др. 2009: 291–299].

Более того, ситуация усложняется тем, что существует такое явление как смешанная цитация, когда элементы прямой и косвенной речи комбинируются [Brendel et al.. 2011: 4]. Цитация может начаться как косвенная речь, но содержать элементы прямой речи, как в примере (3), где использование кавычек и референция местоимения *us* ясно отражает, что часть цитации является прямой речью, но референция местоимения *their* показывает, что другая часть цитации является косвенной. Также в литературных произведениях встречается такое явление как свободная косвенная и свободная прямая речь [Brendel et al.. 2011: 6], когда разница между прямой и косвенной речью не обозначается, а также используется смешение прямой и косвенной речи.

(3) Their accord on this issue, he said, has proved “quite a surprise to both of us”. [Brendel et al.. 2011: 4]

² На самом деле, дословность передачи всегда условна [Clark, Gerrig 1990]. Литвиненко и др. [2009: 293] приводят следующее определение дословности в прямой речи: «По умолчанию в такой ситуации и говорящий, и адресат “верят” в то, что цитация действительно идентична оригиналу, и далее мы будем говорить о “сохранении оригинала” именно в этом смысле».

Таким образом, важно понимать, что деление на прямую и косвенную речь довольно условно. Во-первых, явно существуют промежуточные или смешанные варианты. Во-вторых, даже в письменной речи, но особенно в речи устной, могут отсутствовать однозначные маркеры прямой или косвенной речи. С другой стороны, понятия прямой и косвенной речи представляют теоретический интерес, так как многие языки имеют грамматические и лексические средства их различения.

В жестовых языках тоже используются цитационные конструкции [Herrmann, Steinbach 2012; Quer 2011; Schlenker 2017]. Обычно при их описании используется термины *rolshift* или *constructed dialogue*. Особенностью передачи чужой речи в жестовых языках является то, что, помимо элементов цитационных конструкций, общих со звучащими языками, цитация также обозначается немануальными маркерами, а именно поворотом тела и головы в сторону, отведением взгляда от собеседника (в то время как большую часть времени поддерживается зрительный контакт), а также эмоциональными выражениями лица. Можно сказать, что говорящий³ принимает на себя роль автора цитации, а затем воспроизводит цитацию от его лица. Важным отличием этой конструкции от цитационных конструкций в звучащих языках является то, что таким образом могут передаваться не только речь, мысли и чувства автора, но и его действия (последнее обычно обозначают термином *constructed action*). Так, жестом можно передать не только речь другого человека, но и его действия. Мы далее не рассматриваем передачу действий в данной работе.

Цитационные конструкции в жестовых языках изучались с нескольких точек зрения. Во-первых, был изучен вопрос о том, являются ли они примерами прямой или косвенной речи; некоторые исследователи пришли к выводу, что они имеют смешанные свойства [Herrmann, Steinbach 2012; Quer 2011]. Во-вторых, изучался вопрос о том, какие именно немануальные маркеры являются собственно маркерами цитации [Herrmann, Steinbach 2012]. Наконец, были предложены различные формальные подходы к немануальным маркерам в жестовых языках как к маркерам согласования [Herrmann, Steinbach 2012], маркерам сдвига контекста [Schlenker 2017] и маркерам демонстрации [Davidson 2015].

³ Мы используем термин «говорящий» в качестве нейтрального обозначения коммуниканта на жестовом или звучащем языке.

В данной работе мы впервые описываем основные свойства цитационных конструкций в РЖЯ. На основе анализа небольшого корпуса, мы описываем составляющие этих конструкций, немануальные маркеры и их функции, и различия между прямой и косвенной речью. Мы также сравниваем эти конструкции в РЖЯ со схожими конструкциями в других жестовых языках и в устном дискурсе в звучащих языках.

2. Методология

В качестве материала для исследования мы использовали московский подкорпус корпуса РЖЯ [Burkova 2015], также использованный ранее для различных исследований РЖЯ [Kimmelman 2014]. Данный подкорпус содержит спонтанные нарративы (истории из жизни), рассказанные одиннадцатью носителями РЖЯ. Мы называем данный подкорпус московским, так как данные были собраны в Москве, где все носители проживают в последние годы. Трое из одиннадцати носителей родились и выросли в других городах и переехали в Москву во взрослом возрасте. Среди носителей было семь женщин и четыре мужчины, возраст носителей на момент записи данных был от 30 до 58 лет. У шести из одиннадцати носителей родители также были носителями РЖЯ, и все носители усвоили РЖЯ в раннем возрасте.

Подкорпус, который мы проанализировали, включает в себя около 8000 жестов, составляющих примерно 1200 предложений. Такой небольшой объем данных объясняется тем, что аннотация естественных данных жестовых языков, в том числе аннотация цитационных конструкций (см. ниже) — это очень трудоемкий и долгий процесс. Несмотря на небольшой объем данных, нам удалось найти значительное число цитационных конструкций разных типов. Мы выявили 341 цитационную конструкцию, включая 277 случаев передачи чужой речи. Можно заметить, что цитационные конструкции таким образом являются очень частотными в данном жанре.

Важно понимать ограничения данного исследования. Описываемые свойства цитационных конструкций отражают их использование носителями московского варианта РЖЯ в жанре спонтанного нарратива. Вполне возможно, что данные конструкции имеют другие свойства в других регионах и жанрах.

Каждую из цитационных конструкций мы проаннотировали в программе ELAN [Crasborn, Sloetjes 2008] по следующему набору признаков:

1. Тип цитации: речь/мысль/отношение;
2. Вводящая предикация: используется ли глагол речи/мыслей, и если да, то какой именно;
3. Автор цитации: является ли автор цитации самим говорящим в прошлом или другим человеком;
4. Обозначение автора: обозначается ли автор цитации;
5. Немануальные маркеры: направление взгляда, поворот тела, поворот головы;
6. Дейктические элементы: присутствуют ли в цитации дейктические элементы и как они интерпретируются;
7. Наличие признаков подчинения, таких как вопросительное передвижение и топикализация;
8. Наличие признаков прямой/косвенной речи, таких как использования императива или подчинительного союза.

Мы не анализировали эмоциональные выражения лица, которые потенциально также могут быть маркерами цитации, по двум причинам. Во-первых, выражения лица нельзя считать маркерами цитации, так как они являются частью цитации: говорящий цитирует не только слова автора, но и его эмоциональные выражения лица [Herrmann, Steinbach 2012]. Во-вторых, после пробной аннотации выражений лица мы выяснили, что не можем надежно аннотировать этот немануальный маркер (независимое аннотирование части данных выявило низкий показатель согласия между аннотаторами).

3. Основные свойства цитационных конструкций

Цитационные конструкции в РЖЯ имеют те же составляющие, что и цитационные конструкции в описанных ранее жестовых и звучащих языках. Так, можно выявить саму цитацию, а также авторскую ремарку, которая может включать упоминание автора и вводящую предикацию. Так, в примере (4), первое употребление местоимения я — это упоминание автора цитации (говорящего в прошлом), глагол говорить — это вводящая предикация, а остальные жесты являются цитацией. Цитация может маркироваться и немануальными маркерами, однако это явление мы подробнее обсудим ниже.

- (4) я ГОВОРИТЬ я да ЧЕРЕЗ МОСКВА ЕХАТЬ
'Я сказала: да, я еду через Москву.'(s1-s14 02:56)⁴

Как и в звучащих языках [Mathis, Yule 1994], упоминание автора цитации и использование глагола для введения цитации в РЖЯ является необязательными. В наших данных автор упоминается в 160 случаях (47%), не упоминается в 118 случаях (35%), а в 52 случаях (15%) цитата следует за конструкцией с передачей чужого действия, что означает, что автор цитации и действия совпадает, и повторное упоминание автора не требуется.

218 (64%) примеров не содержат вводного глагола. Нередко (27 случаев, 8%) вводный глагол отсутствует, но присутствует жест ЛВ (ладони вверх) (4), который может быть проанализирован как маркер цитации. Данный жест является мультифункциональным в РЖЯ и других жестовых языках [McKee, Wallingford 2011]. Так, он употребляется для перехода хода в диалогах, в качестве вопросительной частицы, в качестве отрицательной частицы, и, довольно часто, для передачи модальных и эвиденциальных значений, связанных с неуверенностью или отсутствием информации. Из-за большого количества возможных функций этого жеста мы не можем с уверенностью утверждать, что он используется именно для введения цитации, а не в какой-то другой функции, в тех случаях, где он встречается вместо или вместе с вводным глаголом. Интересно, что данный жест чаще всего встречается в случае, когда автором является сам говорящий в прошлом, а не другой человек, как в примере (5), рис. 1. Возможно, это связано с тем, что категория эвиденциальности (то есть описание источника информации), вероятно, выражаемая этим жестом, тесно связана с первым лицом, то есть с говорящим, и с трудом применима к другим людям (в данной статье эвиденциальность понимается в духе [Korotkova 2016]).

⁴ Примеры из жестовых языков глоссируются малыми прописными. Глоссы отражают примерное значение, но не форму жестов. ук — указательный жест, POSS — притяжательное местоимение и маркер possessивности, NEG — отрицательная морфема. Изменения формы глаголов в пространстве для согласования с аргументами, которое в РЖЯ используется, мы не отмечаем в глоссах, так как это явление не связано напрямую с темой статьи. Код в скобках указывает на определенный файл корпуса, из которого взят пример, и на время его употребления.

- (5) я лв САМОЛЕТ ВСЕГО ОДИН ЧАС ЛЕТЕТЬ
'Я говорю: на самолёте лететь всего один час!' (s1-s10 00:59)

Рисунок 1. Жест ЛВ из примера (5).

Среди глаголов, которые используются для введения цитации, самыми частыми являются думать, спрашивать, звать и рассказывать. Глагол звать — это особый случай, так как он не является собственно глаголом речи или мышления, а описывает действие, которое предшествует речи, то есть привлечение внимания собеседника перед тем, как автор произносит цитацию (6), рис. 2. Этот глагол может вводить вопросы (6), а также утверждения и любые другие речевые акты. При этом в русском языке, например, глагол «звать», по-видимому, не может вводить цитации.

- (6) звать дочь твой дарить что?
'(Женщина) зовёт (мою маму): Что подарить твоей дочке?'

Рисунок 1. Жест звать из примера (6).

Как и в других жестовых языках, цитации в РЖЯ могут маркироваться немануальными маркерами, а именно отведением взгляда

в сторону и поворотом корпуса и головы в сторону. Так, в примере (7), рис. 3, сначала упоминается автор (местоимение я, относящееся к говорящему в прошлом), а затем при произнесении цитации говорящая поворачивает голову и направляет взгляд влево.

ВЗГЛЯД И ГОЛОВА ВЛЕВО

- (7) я: ХОРОШО, ВСЁ
Я говорю: хорошо, всё. (s1-s12 00:57)

Рисунок 3. Жесты Я и ВСЁ из примера (7).

Однако важнейшим свойством этих маркеров в РЖЯ является тот факт, что они необязательны. Так, 146 случаев (42 %) не сопровождаются изменением направления взгляда, и 166 случаев (49 %) не сопровождаются движением тела. Более того, 95 случаев (26 %) не сопровождаются ни изменением направления взгляда, ни поворотом тела. Повороты головы используются более часто: лишь 54 случая (15 %) не содержат движения головы (однако см. ниже обсуждение распространения этого маркера). В 16 примерах отсутствуют все три немануальных маркера.

Помимо опциональности, интересно также поведение этих маркеров в тех случаях, когда они присутствуют. Согласно классическому представлению о цитационных конструкциях в жестовых языках, эти маркеры сопровождают цитацию, в то время как автор и вводная предикация остаются немаркированными. Однако в РЖЯ это не так.

Отведение взгляда лишь в 47 случаях (14 %) сопровождает цитацию (и не сопровождает другие части конструкции), как в примере (7); в 53 случаях (15 %) отведение взгляда сопровождает лишь часть цитации, как в примере (8), где лишь один из двух жестов внутри цитации маркирован немануально; в 25 случаях (7 %) отведение

взгляда вводный глагол и всю или часть цитации, в 30 (9%) случаях отведение взгляда сопровождается в том числе и упоминание автора цитации. Остальные случаи включают в себя в том числе маркирование только автора или только глагола, или автора и глагола, но не самой цитации.

ВЗГЛЯД И ГОЛОВА ВЛЕВО

(8) ИСПАНСКИЙ. ЖЕСТ ЗНАТЬ?

‘[Они говорят:] Ты знаешь этот испанский жест?’ (s1-s16 02:02)

Схожая ситуация наблюдается и с поворотами тела. В 58 случаях (17%) этот маркер сопровождает цитацию (и не сопровождает другие части конструкции), как в примере (7); в 63 случаях (18%) поворот сопровождает лишь часть цитации, в 18 случаях (5%) маркер сопровождает вводный глагол и всю или часть цитации, а в 23 (7%) случаях маркер сопровождает упоминание автора цитации и всю или часть цитации. Остальные случаи включают в себя в том числе маркирование только автора или только глагола, или автора и глагола, но не самой цитации.

Таким образом, оба этих маркера, хотя и сопровождают цитации довольно часто, не могут быть охарактеризованы именно как однозначные маркеры цитации, так как они являются опциональными, и довольно часто распространяются за пределы цитации.

Совсем неожиданная картина наблюдается с поворотами головы. В 62 случаях (18%) этот маркер сопровождает цитацию (и не сопровождает другие части конструкции), как в примере (7); в 62 случаях (18%) отведение взгляда сопровождает лишь часть цитации, как в примере (8); в 31 случае (9%) маркер сопровождает вводный глагол и всю или часть цитации, а в 100 (29%) случаях маркер сопровождает упоминание автора цитации и всю или часть цитации. Остальные случаи включают в себя в том числе маркирование только автора или только глагола, или автора и глагола, но не самой цитации.

Таким образом, данный маркер, вопреки ожиданиям, чаще всего маркирует не саму цитацию, а автора, глагол (если он есть), и часть или всю цитацию. Это значит, что несмотря на его частоту, он тоже не может считаться однозначным маркером цитации.

Возможны различные объяснения опциональности немануальных маркеров. Мы предположили, что цитации чужой речи могут маркироваться не так, как цитации чужих мыслей. Теоретически

цитирование чужой речи является более прототипическим типом цитирования, так как речь в отличие от мыслей напрямую поддается наблюдению, и таким образом может цитироваться дословно. Цитация мыслей и чувств — это всегда реконструкция или перевод. Поэтому можно представить себе язык, в котором цитирование речи (особенно в форме прямой речи) будет последовательно маркироваться, а цитирование мыслей и чувств будет маркироваться в меньшей степени или же иными маркерами.

Однако в наших данных не находится подтверждения этой гипотезе. Из таблицы 1 видно, что цитации, содержащие чужие речь vs. мысли и чувства примерно одинаково часто маркированы направлением взгляда и поворотами головы, а в случае с поворотами тела именно чужая речь чаще оказывается немаркированной.

Таблица 1. Немануальные маркеры и тип цитации

Тип цитации	<i>Маркированы взглядом</i>	<i>Маркированы поворотами тела</i>	<i>Маркированы поворотами головы</i>	Всего
речь	155 (56 %)	131 (47 %)	245 (88 %)	277
мысли и чувства	40 (62 %)	44 (68 %)	52 (81 %)	64

Мы также предположили, что может наблюдаться разница в маркировании в зависимости от того, является ли автор цитации самим говорящим (в прошлом), или же цитируется речь или мысли какого-то другого человека. Можно ожидать, что цитирование других людей будет более маркировано, чем цитирование говорящим самого себя, так как в последнем случае по сути не происходит смены говорящего. Однако из таблицы 2 видно, что немануальные маркеры не зависят от того, является ли автор цитации самим говорящим в прошлом или другими людьми.

Таблица 2. Немануальные маркеры и автор

Автор	<i>Маркированы взглядом</i>	<i>Маркированы поворотами тела</i>	<i>Маркированы поворотами головы</i>	Всего
говорящий	107 (61 %)	94 (55 %)	141 (82 %)	171
Другие люди	99 (58 %)	86 (51 %)	147 (86 %)	170

Другое возможное объяснение вариативности немануальных маркеров — это стилистические различия. Возможно, использование этих маркеров зависит от стиля или жанра текста. Разумно предположить, что менее официальные стили будут ассоциированы с более частым употреблением немануальных маркеров. У нас не было возможности напрямую протестировать эту гипотезу, однако, даже если она верна, она вряд ли может объяснить наши данные. Дело в том, что та часть корпуса РЖЯ, которую мы проанализировали, содержит тексты одного жанра (рассказы о событиях из жизни), и вероятно одного стиля (неофициальное общение один на один со знакомым носителем РЖЯ, но в присутствии видеокамер).

Наконец, возможна и другая гипотеза: немануальные маркеры используются лишь для прямой речи, в то время как косвенная речь просодически не маркирована (при этом она возможно маркирована другими средствами). Эта гипотеза представляется разумной, так как и в устной речи на звучащих языках прямая речь зачастую сопровождается эмоциональными интонационными контурами, которые отличают ее от интонационно более нейтральной косвенной речи. Чтобы проверить эту гипотезу, нам нужно обсудить, как в наших данных РЖЯ различается прямая и косвенная речь. К этой теме мы обратимся в следующем разделе.

4. Прямая и косвенная речь

Как обсуждалось выше, важнейшим различием прямой и косвенной речи является поведение дейктических элементов. Мы проанализировали поведение следующих элементов: местоимения я (указание на говорящего), ты (указание на адресата), possessивное местоимение POSS в первом и втором лице, глагольное согласование с первым и вторым лицом, а также жесты ЗДЕСЬ, СЕЙЧАС, ВЧЕРА, ЗАВТРА, PST (показатель прошедшего времени), PST.NEG (показатель прошедшего времени с инкорпорированным отрицанием), FUT (показатель будущего времени), и FUT.NEG (показатель будущего времени с инкорпорированным отрицанием).

Выяснилось, что большинство примеров (196, 57%) не содержат никаких дейктических элементов. Таким образом, данный критерий не позволяет охарактеризовать их как прямую или косвенную речь. Также во многих примерах, в которых автором является говорящий в прошлом (3), местоимение первого лица я может

интерпретироваться как относительно ситуации текста, так и относительно ситуации цитации (так как автор и говорящий совпадают), то есть определить, является ли его референция сдвинутым, невозможно.

Если рассмотреть лишь случаи однозначно сдвинутых или несдвинутых местоимений, то выясняется, что в абсолютном большинстве случаев референция местоимения сдвинута (86 из 91, 95%), хотя несдвинутое употребление тоже возможно (9). Таким образом, РЖЯ показывает явное предпочтение прямой речи косвенной, по крайней мере в тех случаях, где используются дейктические элементы. Стоит заметить, что в устной речи отдаётся предпочтение именно прямой речи и в звучащих языках, например, в русском [Литвиненко и др. 2009: 308].

- (9) УК ГРУЗИН УК ГОВОРИТЬ ЖАЛОВАТЬСЯ ПОЧЕМУ МЫ. ДВОЕ ВОДА ДАТЬ.NEG
'Грузин жалуется, что мы не дали ему воды.' (s2-s15 01:57)

Для некоторых жестовых языков: датского, каталанского, и немецкого [Engberg-Pedersen 1995; Herrmann, Steinbach 2012; Quer 2011] — было описано смешанное поведение дейктических элементов при передаче чужой речи с помощью ролевого сдвига. Например, Quer [2011: 296] приводит пример (10) из каталанского жестового языка (LSC). Этот пример был употреблён в Барселоне. В чужой речи Джона местоимение я является сдвинутым, так как относится к Джону, а не к человеку, произносящему предложение. При этом наречие здесь интерпретируется относительно момента произнесения всего предложения, а не относительно мыслей Джона, так как он думал об этом не в Барселоне, а в Мадриде. В других жестовых языках, например американском и французском, такого смешанного поведения не наблюдается [Schlenker 2017].

- (10) УК МАДРИД МОМЕНТ ДЖОН ДУМАТЬ Я УЧИТЬСЯ ЗАКОНЧИТЬ
ЗДЕСЬ (LSC)
'Когда он был в Мадриде, Джон думал, что завершит свою учёбу здесь (в Барселоне).' [Quer 2011: 296]

В корпусе РЖЯ, который мы проанализировали, встретилось два потенциальных примера со смешанными дейктическими элементами. В примере (11) местоимение я в первой клаузе является сдвинутым (относится к женщине), а в третьей несдвинутым

(относится к рассказчице). Местоимение POSS-1 ‘мой’ в третьей клаузе является несдвинутым (относится к рассказчице). Местоимение POSS-2 ‘твой’ в четвёртой клаузе является сдвинутым (относится к адресату женщины, то есть к матери рассказчицы, а не к адресату рассказчицы).

ВЗГЛЯД И ПОВОРОТ ВЛЕВО

(11) Я ХОТЕТЬ УГОДИТЬ. КУКЛА ЕСТЬ МАГАЗИН ОГРОМНЫЙ. ВЫШЕ Я POSS-1 ГОЛОВА РОСТ.

ВЗГЛЯД И ПОВОРОТ ВЛЕВО

ВЫШЕ POSS-2 ДОЧЬ.

‘[Женщина говорит:] Я хочу ей угодить. В магазине есть огромные куклы! Выше моего (рассказчицы) роста. Выше твоей (мамы рассказчицы) дочери!’ (s2-s14 03:06)

В этом примере чужой речи дейктические элементы действительно демонстрируют смешанное поведение, но не внутри одной клаузы. Можно интерпретировать этот отрывок следующим образом: первая и вторая клауза являются прямой речью женщины, поэтому местоимения сдвигаются. Третья клауза — это не часть прямой речи, а комментарий рассказчицы, поэтому местоимения не сдвигаются. Четвёртая клауза вновь является прямой речью женщины. В пользу этого анализа говорит и тот факт, что на протяжении первой, второй, и четвёртой клауз, но не третьей клаузы, голова рассказчицы повернута в сторону, и взгляд отведён.

Та же ситуация наблюдается и в другом потенциальном случае смешения перспектив — там рассказчица сначала передаёт речь другого участника ситуации, но в какой-то момент новая отдельная клауза является её собственным комментарием, без сдвига дейктических элементов, после чего рассказчица возвращается к цитированию.

Важно понимать: тот факт, что мы не нашли примеров смешанного поведения дейктических элементов, не является доказательством того, что такое их поведение в РЖЯ неграмматично. Так как наш корпус ограничен в размерах, в будущем необходимо элицировать суждения о грамматичности, чтобы решить этот вопрос.

В силу того, что большинство примеров с дейктическими элементами показывают свойства прямой речи, мы можем рассмотреть эти примеры с точки зрения немануального маркирования для определения связи между немануальным маркированием и прямой/

косвенной речью. Гипотеза о том, что немануальное маркирование используется для прямой, но не для косвенной речи, не подтвердилась. Так, в корпусе есть 31 пример без изменения направления взгляда, но со сдвинутой референцией, 30 примеров без поворота тела, но со сдвинутой референцией, 8 примеров без поворота головы, но со сдвинутой референцией, и 3 примера со сдвинутой референцией, не маркированных ни взглядом, ни поворотом головы или тела. Таким образом, эти немануальные маркеры точно не являются обязательными маркерами прямой речи.

Помимо поведения дейктических элементов, есть и другие критерии различения прямой и косвенной речи в РЖЯ. Явным признаком косвенной речи является использование подчинительного союза *что*. Например, в (12) данный союз употребляется для введения чужой речи. В данном случае видно, что жест *что* используется именно как подчинительный союз, а не как местоимение, так как отсутствует аргументная позиция, которую бы могло занять это местоимение. Стоит заметить, что несмотря на явно косвенный характер цитации, она маркирована немануально, что в очередной раз показывает, что немануальное маркирование не различает прямую и косвенную речь.

ВЗГЛЯД И ПОВОРОТ НАПРАВО

- (12) РАССКАЗЫВАТЬ ЧТО Я ЛАМПОЧКА Я ОТСУТСТВОВАТЬ
'Я рассказываю, что лампочки у меня нет.' (s2-s10 01:29)

В корпусе встретилось семь примеров использования подчинительного союза, произнесённых четырьмя разными носителями. Вероятно, данная конструкция является заимствованием из русского языка. Однако у нас нет оснований утверждать, что все случаи её употребления являются переключением кода (*code-switching*)⁵. Эта конструкция вполне может быть освоенным способом маркирования подчинённых предложений.

⁵ Хотя РЖЯ обладает собственной грамматикой, во многих аспектах сильно отличающейся от грамматики русского языка, он находится в контакте с русским языком, что проявляется в заимствованиях и переключении кода. Большинство носителей РЖЯ также знают русский язык, что и создает контактную ситуацию. Однозначных критериев различения переключения кода и заимствования конструкции нет, по крайней мере, для данной конструкции нам они не известны.

В литературе, посвящённой японскому языку, высказывалась гипотеза, что в этом языке встречается смешанная речь (прямая + косвенная), потому что возможно использование императива при несдвинутых дейктических элементах [Kuno 1988]. Таким образом, эти авторы считают, что использование императива является несомненным признаком прямой речи, так как императив ориентирован на адресата (в данном случае, на адресата цитируемой речи). Другие исследователи японского несогласны с этой интерпретацией и считают, что императив может использоваться и в косвенной речи [Oshima, Sano 2012]. Если интерпретация Осимы и Сано для японского справедлива, то языки различаются с точки зрения того, возможно ли императивное маркирование в контексте косвенной речи.

Как бы то ни было, императивные предложения в чужой речи встречаются и в наших данных РЖЯ. При разметке мы учитывали лишь предложения, содержащие мануальный маркер императива [Бородулина 2012]. Случаев чужой речи с императивными маркерами встретилось пятнадцать. Среди этих примеров нет ни одного примера с подчинительным союзом. Также нет ни одного примера, в котором бы встретился дейктический элемент с однозначно несдвинутой референцией. Таким образом, все примеры с императивом теоретически можно анализировать как прямую речь. Что касается немануальных маркеров, то здесь, как и в общем случае, наблюдается вариативность. Например, в половине случаев отсутствует отведение взгляда, и лишь в одном случае встречается отведение взгляда на протяжении всей чужой речи. Сам императивный жест часто сопровождается движением тела: наклоном в сторону. Такое движение, скорее всего, является лексическим и не маркирует чужую речь.

Таким образом, как и в устном дискурсе в звучащих языках [Литвиненко и др. 2009], мы далеко не всегда можем однозначно идентифицировать прямую и косвенную речь в нашем корпусе РЖЯ. Тем не менее, для некоторых примеров эта классификация применима. Мы выяснили, что в РЖЯ действуют следующие критерии:

1. Интерпретация дейктических элементов (сдвиг местоимений означает прямую речь);
2. Подчинительный союз что (для маркирования косвенной речи);
3. Использование императива (по-видимому, является признаком прямой речи).

При этом поведение немануальных маркеров в РЖЯ не является явным признаком прямой или косвенной речи.

4. Обсуждение

Итак, в данной статье мы описали основные свойства цитационных конструкций в РЖЯ на основе корпусных данных. Данные конструкции в РЖЯ показывают сходства с цитационными конструкциями в других жестовых и звучащих языках.

Главным сходством можно считать структуру цитационных конструкций. Как и в других языках, в РЖЯ эти конструкции содержат цитацию, а также опционально авторскую ремарку, состоящую из упоминания автора и вводного предиката.

Как и в других языках, в РЖЯ можно провести границу между прямой и косвенной речью, хотя многие примеры из корпуса трудно охарактеризовать однозначно. Тем не менее, во многих примерах показательным является поведение дейктических элементов, в некоторых примерах присутствует императив, и в нескольких примерах используется подчинительный союз что.

Выше мы упоминали, что если смотреть только на примеры, в которых статус цитации как прямой или косвенной речи можно охарактеризовать на основе поведения дейктических элементов, то подавляющее большинство примеров (95 %) являются прямой речью. В устном дискурсе на русском языке (Литвиненко и др. 2009: 308) прямая речь также преобладает, однако не настолько сильно (47 % прямой речи против 37 % косвенной). Важно заметить, что наши результаты нельзя напрямую сравнивать с результатами этого исследования, так наши 95 % выводятся на основе поведения дейктических элементов, в то время как А. Литвиненко и соавторы используют различные критерии, в основном не применимые к нашим данным из-за недостаточной изученности грамматики РЖЯ.

Тем не менее, можно высказать предположение о том, почему РЖЯ предпочитает прямую речь косвенной даже в большей степени, чем устный русский язык. Это может быть связано с тем, что конструкция косвенной речи в РЖЯ не до конца грамматикализована из-за сравнительно молодого возраста этого языка. Исследования синтаксического подчинения в жестовых языках пока малочисленны [Pfaу et al. 2016], поэтому прямое сравнение между жестовыми и звучащими языками в этом отношении делать трудно.

Тем не менее, разумно предположить, что жестовые языки, и в том числе РЖЯ, в силу молодого возраста не имели достаточно времени, чтобы произошла полная грамматикализация цитационных конструкций в сложноподчиненные предложения для передачи чужой речи. РЖЯ несомненно имеет такую конструкцию (с подчинительным союзом что), однако эта конструкция, возможно, заимствована из русского и потому может быть не полностью освоена и не использоваться активно в устной речи.

Если сравнивать цитационные конструкции РЖЯ с цитационными конструкциями в других жестовых языках, то тоже можно обнаружить как сходства, так и различия. РЖЯ использует те же немануальные маркеры цитации (повороты головы и тела и изменение направления взгляда), что и другие жестовые языки. При этом данные маркеры опциональны и обычно не сопровождают всю цитацию и только цитацию. Herrmann, Steinbach [2012] обнаружили, что в немецком жестовом языке 86 % примеров в корпусе маркированы направлением взгляда и 77 % маркированы поворотом головы. Многие исследователи чужой речи не рассматривали корпусные данные и не приводили частоту использования маркеров, но из их работ можно сделать вывод, что эти маркеры обязательны. С другой стороны, некоторые исследователи других жестовых языков также замечали опциональность немануального маркирования, например, в американском жестовом языке [Janzen 2004; Liddell, Metzger 1998], так что РЖЯ может и не быть уникальным в этом отношении. Очевидно, что требуется провести корпусные исследования этих конструкций в различных жестовых языках.

В отличие от исследователей датского, каталонского и немецкого жестовых языков [Engberg-Pedersen 1995; Herrmann, Steinbach 2012; Quer 2011], мы не нашли примеров смешанного поведения действительных элементов в наших данных. Важно понимать, что отсутствие таких примеров в корпусе, тем более сравнительно небольшом, совершенно не доказывает их неприемлемость в целом. Необходимы дальнейшие исследования этого феномена с привлечением других методов.

Как упоминалось в начале статьи, существуют различные подходы к цитационным конструкциям в жестовых языках. В частности, исследователи по-разному анализируют функции немануальных маркеров: как маркеры согласования [Herrmann, Steinbach

2012], маркеры сдвига контекста [Schlenker 2017] и маркеры демонстрации [Davidson 2015]. Так как немануальные маркеры в РЖЯ опциональны и не коррелируют с поведением дейктических элементов, мы считаем, что первые два анализа плохо применимы к данным РЖЯ. Анализ данных маркеров как демонстрации [Davidson 2015], то есть изображения говорящим речи автора, напротив, кажется нам хорошо подходящим к ситуации в РЖЯ. Подобно тому, как говорящие на звучащем языке могут (но не должны) использовать интонацию и жестикуляцию при цитировании для передачи особенностей речи и поведения автора цитации, говорящие на РЖЯ используют мимику в той же ситуации. Повороты тела и головы являются демонстрацией наличия двух говорящих в ситуации и их расположения в пространстве. Немануальные элементы цитирования являются опциональными, потому что у говорящего всегда есть выбор в отношении того, насколько подробно и артистично он хочет передать речь автора. Таким образом, мы считаем, что немануальные маркеры, которые сопровождают чужую речь в РЖЯ, фундаментально схожи с интонацией в цитационных конструкциях в звучащих языках.

Литература

- Бородулина 2012 — Д. Бородулина. Средства выражения императива в русском жестовом языке // Русский жестовый язык. Первая лингвистическая конференция / под ред. О. Федорова. Москва, 2012. С. 14–49. [D. Borodulina. Sredstva vyrazhenia imperativa v russkom zhestovom iazyke [Markers of imperative in Russian Sign Language] // O. Fedorova (ed.) Russkii zhestovii iazyk. Pervaia lingvisticheskaia konferentsia [Russian Sign Language. The first linguistic conference.] Moscow, 2012. P. 14–49].
- Литвиненко и др. 2009. — А. Литвиненко, Н. Коротаев, А. Кибрик, В. Подлесская. Конструкции с цитацией, или «чужой речью» // Рассказы о сновидениях. Корпусное исследование устного русского дискурса / под ред. А. Кибрик, В. Подлесская. Москва: Языки славянских культур, 2009. С. 288–307. [A. Litvinenko, N. Korotaev, A. Kibrik, V. Podlesskaia. Konstruktsii s tsitatsiei, ili «chuzhoirechiiu» [Constructions with citations or reported speech] // V. Podlesskaia, A. Kibrik (eds.). Rasskazy o snovideniiakh. Korpusnoe issledovanie ustnogo russkogo diskursa [Dream stories. A corpus study of Russian oral discourse]. Moscow: Iazyki slavianskikh kultur, 2009. P. 288–307].

- Brendel et al. 2011 — E. Brendel, J. Meibauer, M. Steinbach. Exploring the meaning of quotation // E. Brendel, J. Meibauer, M. Steinbach (eds.), *Understanding Quotation*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2011. P. 1–34.
- Burkova 2015 — S. Burkova. Russian Sign Language Corpus. 2015. URL: <http://rsl.nstu.ru/> (дата обращения: 01.04.2018) [access date: 01.04.2018].
- Clark, Gerrig 1990 — H. H. Clark, R. J. Gerrig. Quotations as Demonstrations // *Language* 66(4), 1990. P. 764–805.
- CrasbornSloetjes 2008 — O. Crasborn, H. Sloetjes. Enhanced ELAN functionality for sign language corpora // *Proceedings of the 3rd Workshop on the Representation and Processing of Sign Languages: Construction and Exploitation of Sign Language Corpora*. Paris: ELRA, 2008. P. 39–43.
- Davidson 2015 — K. Davidson. Quotation, demonstration, and iconicity // *Linguistics and Philosophy*. 2015. Vol. 38. Issue 6. P. 477–520.
- Engberg-Pedersen 1995 — E. Engberg-Pedersen. Point of view expressed through shifters // K. Emmorey, J. Reilly (eds.), *Language, Gesture, and Space*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1995. P. 133–154.
- Güldemann 2008 — T. Güldemann. Quotative indexes in African languages: A synchronic and diachronic survey. Berlin: Mouton de Gruyter, 2008.
- Herrmann Steinbach 2012 — A. Herrmann, M. Steinbach. Quotation in sign languages: A visible context shift // I. Buchstaller, I. Van Alphen (eds.), *Quotatives. Cross-linguistic and Cross-disciplinary Perspectives*. Amsterdam: John Benjamins, 2012. P. 203–230.
- Janzen 2004 — T. Janzen. Space rotation, perspective shift, and verb morphology in ASL // *Cognitive Linguistics*. 2004. Vol. 15. Issue 2. P. 149–174.
- Kimmelman2014 — V. Kimmelman. Information Structure in Russian Sign Language and Sign Language of the Netherlands. Doctoral dissertation, University of Amsterdam, 2014.
- Khristoforova, Kimmelman 2018 — E. Khristoforova, V. Kimmelman. Corpus-based investigation of quotation in Russian Sign Language // *Computational Linguistics and Intellectual Technologies*. 2018. No. 17. P. 294–304.
- Korotkova2016 — N. Korotkova. Heterogeneity and universality in the evidential domain. Doctoral dissertation, UCLA, 2016.
- Kuno 1988 — S. Kuno. Blended quasi-direct discourse in Japanese // W. Poser (ed.) *Papers from the Second International Workshop on Japanese Syntax*. Stanford: CSLI, 1988. P. 75–102.
- Liddell, Metzger 1998 — S. K. Liddell, M. Metzger. Gesture in sign language discourse // *Journal of Pragmatics*. 1998. Vol. 30. Issue 6. P. 657–697.
- Mathis, Yule 1994 — T. Mathis, G. Yule. Zero quotatives // *Discourse Processes*. 1994. Vol. 18. Issue 1. P. 63–76.
- McKee, Wallingford 2011 — R. McKee, S. Wallingford. ‘So, well, whatever’: Discourse functions of *palm-up* in New Zealand Sign Language // *Sign Language & Linguistics*. 2011. Vol. 14. Issue 2. P. 213–247.

- Oshima, Sano 2012 — D. Y. Oshima, S. Sano. On the characteristics of Japanese reported discourse: A study with special reference to elliptic quotation // I. Buchstaller, I. Van Alphen (eds.), *Quotatives. Cross-linguistic and Cross-disciplinary Perspectives*. Amsterdam: John Benjamins, 2012. P. 145–172.
- Quer 2011 — J. Quer. Reporting and quoting in signed discourse // E. Brendel, J. Meibauer, M. Steinbach (eds.), *Understanding Quotation*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2011. P. 277–302.
- Schlenker2017 — P. Schlenker. Super monsters I: Attitude and Action Role Shift in sign language // *Semantics and Pragmatics* 10(9), 2017.
- Pfau et al. 2016 — R. Pfau, M. Steinbach, A. Herrmann. *A matter of complexity: subordination in sign languages*. Boston: De Gruyter Mouton, 2016.